

Даля Трускиновская

Бедные рыцари

Даля Трускиновская

Бедные рыцари

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Бедные рыцари / Д. М. Трускиновская — «Автор»,

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Далия Трускиновская

Бедные рыцари

Все было очень плохо.

Рожь и ячмень, не тронутые градом, всюю колосились, ни один теленок не подох, грибицы приносили из леса полные корзины хороших грибов и сушили их под навесами. Зрели яблоки, зрели груши, вообще все зрело и наливалось, прямо трескалось от хмельного золотого сока, а зачем?

Этой осенью в деревне решительно некого было женить и выдавать замуж.

Вернее, были и парень, и девушка почти подходящего возраста, но – брат и сестра. К тому же, девушка старше парня на два года, а для деревенского жителя жена, которая старше, – неприемлемое диво, вроде коровьего седла или башмаков для зайца.

Об этой беде и толковали тетки у колодца, когда самая глазастая увидела вдали на дороге всадников.

– Проклятая фея... – пробормотала она. – Кума Пруденция, беги-ка домой и прячь своих!

– Пусть в лесу укроются! – кричали вслед убежавшей куме соседки. – В старый колодец пусть залезут! На пасеку пусть бегут, на пасеку!...

Пруденция, плотная и краснощекая, как полагается крестьянке, все лето работающей на свежем воздухе и получающей на ужин миску каши наравне с самым здоровым мужчиной, оставила ведра и понеслась домой так, как не бегала и девчонкой.

Ее старшая, семнадцатилетняя Марция, чистила хлев. У низких дверей лежала куча свежего торфа для подстилки, и старший из сыновей, Гай, как раз выгружал тачку. За торфом ходили на старое болото, использованный же складывали на краю огорода, чтобы весной вывезти на поля. Там росла куча – такой ширины и высоты, что ею можно было гордиться. Ни у кого в деревне больше не было столь знатной и пышной навозной кучи.

– Дети, дети, бросайте все! В лес, на болото, живо! – приказала Пруденция. – Дочка, давай сюда вилы, я сама встречу эту чертову фею!

Марция вышла из хлева.

Это была крепкая и румяная крестьянская девица на выданье, очень злая из-за того, что в деревне для нее не было жениха.

– Да хоть к фее, хоть к болотным чертям, лишь бы не сидеть тут с вами! – заявила она. – Наломаетесь по уши в навозе, а что проку?

– А вот пошла бы к отцу Тибурцию грамоте учиться, давно бы тебя в девичью обитель взяли, – отрубила мать. – В Уэльсе вон, слыхано, построили новую, так сестры живут лучше, чем в раю, и кормят их знатно, и все в шерстяных рясах ходят, в теплых суконных плащах!

– Да не хочу я ни в какую обитель...

– Пошла, пошла отсюда! Стану я еще слушать, чего ты хочешь, чего не хочешь!

Но Марция не унималась, и когда прибежал, бросив тачку на огороде, Гай, она уже ревмя ревела от двух крепких материнских оплеух. А рука у Пруденции была тяжеленная.

Гай, такой же коренастый, как мать и сестра, выглядел как раз на свои пятнадцать – руки-ноги уже выросли, как у взрослого, плечи и туловище за ними не поспевали. Густые и жесткие рыжеватые волосы были полны мелкого сора – не причесываться же лишний раз, хватит того, что вечером мать даст гребень и присмотрит, чтобы из-за уха не торчали сухие еловые иголки.

– Бери сестру, бегите в лес, – приказала Пруденция. – Фея, того гляди, нагрянет! Живо, живо, живо!

Гаю было всего пятнадцать, о женитьбе он не задумывался и повода для ссор с матерью пока не имел. Взяв рыдающую Марцию за руку, он потащил девицу прочь со двора, да все

скорее, все скорее – так что через луг они уже бежали во весь дух. А лес был прямо за лугом – если забраться на скамью у ворот, то видна опушка.

Пруденция вздохнула с облегчением и подняла брошенные дочкой вилы. Хозяйство у них с мужем было хорошее, крепкое – три лошади, две коровы и телочка, десять овец, свинья с поросятами, да еще птица – гуси, куры, утки. Обычно нанимали работников. Сейчас работники вместе с супругом, Юнием Брутом, повезли в господский замок хворост из леса, сено и гусей в клетках.

В хлеву уже был вычищен целый угол, и Пруденция взялась за следующий. Скотину пасли младшенькие, и она хотела до вечера, до возвращения своих пастушков, повыкидывать из хлева всю старую подстилку, лежавшую толстым плотным слоем в полфута, не меньше.

Скоро ее окликнули со двора.

Она неторопливо вышла. Так и есть – фея Моргана, верхом на сером коне, в сопровождении придворной дамы и двух пажей. Невзирая на жару – в алой бархатной мантии, прикрывающей конские бока и почти достающей до копыт. Темные кудри ниспадали на мантию из-под золотого венчика, белоснежные руки уверенно держали нарядные фестончатые поводья, но в этой благородной красоте было нечто пугающее.

– Где твои дети, Пруденция? – звучно спросила фея.

– А я их отослала, милостивая госпожа, – бойко отвечала крестьянка.

– Куда же ты их отослала?

– К родственникам, в Корнуэлл.

Огромные синие глаза феи прищурились весьма выразительно.

– И для чего, позволь спросить?

– А для того, что тут для Марции жениха нет, да и Гая учить надобно. Пусть поживут у родни, наберутся ума...

– А ведь ты врешь, Пруденция.

– Отослала детей, – мрачно повторила крестьянка.

– Не хочешь, чтобы они мне в замке служили?

Ответа не было.

– Ну что же вы за люди такие? Плохо ли вам живется? Разве не в замке покупают все, что у вас есть на продажу, и платят хорошие деньги?

– Вы всех в замок забираете... мы не для того детей рожаем...

– Разве им там плохо?

– А никто не знает! Вы же, госпожа, их оттуда не выпускаете! Сколько парней и девиц забрали из деревни – никто еще не вернулся! И отцы в замке сколько бывали – ни разу никого не встречали!

– Вам не угодить, – возразила фея Моргана. – Сразу же был договор: замок покупает у вас все, что дают хлеб, птичник, поле и огород, а за это дети служат в замке и живут там на всем готовом. И нет нужды возить зерно на ярмарку в Северный Уэльс, чтобы на обратном пути разбойники отобрали у вас кошельки и лошадей!

Пруденция могла возразить лишь одно: зато тогда дети жили при родителях и в деревне каждую осень справляли свадьбы. Но фея Моргана вдруг подняла руку в богато расшитой перчатке. Это был знак: молчи, дура, не до тебя...

А другой знак был дан свите, и он означал: за мной!

Фея, ее придворная дама и оба пажа поскакали к лугу, через луг – к опушке, и скрылись среди деревьев.

Пруденция так и осталась стоять, разинув рот.

Меж тем к ее двору приближалась странная процессия.

Первым ехал шагом на крошечном осле карлик в пестрейшем наряде – одна штанина желтая, другая лиловая, блио с гербом – всех известных Марции цветов, правый рукав зеленый и по локоть, левого нет вовсе, а плащ – серый, дорожный, и оторочен потертым мехом.

В поводу этот карлик вел рыцарского коня – обычного коня в конской броне. А вот в седле сидел человек в доспехах, без шлема (шлем висел у седельной луки) и с завязанными глазами.

Далее ехала дама в глубочайшем трауре – даже черная вуаль была двойной. Ее сопровождали два оруженосца.

– Скажи, поселянка, далеко ли до Змеиного леса? – так обратился к Пруденции карлик.

– Три мили вдоль речки, потом взять вправо, там будет развилка, и от развилки десять миль, – подумав, доложила Пруденция.

Рыцарь с завязанными глазами достал из кошелья и наугад бросил ей золотую монету. После чего карлик повел его коня дальше, и процессия миновала ворота крестьянского двора.

Пруденция, покопавшись в грязи, подобрала монету, и вовремя – один из оруженосцев уже скакал к ней, причем дурное намерение было у него написано на роже такими крупными буквами, как в большом церковном молитвеннике.

– А шиш тебе, – сказала Пруденция, выставляя вперед навозные вилы. – Разлетелся!

– Дура, был же уговор!

– Знать не знаю никаких уговоров.

– Твой муж подписал условие...

– Вот с Юнием Брутом и разговаривай, а я знать ничего не знаю. Пошел вон отсюда, а то закричу!

Рыцарь с завязанными глазами еще не так далеко убрался, чтобы не услышать вопля здоровой глотки, привычной на лугу перекликаться с косарями, а на озере – с рыбаками.

– Допросишься, – сердито пообещал оруженосец и поскакал догонять свою процессию.

Пруденция долго еще не опускала свои вилы.

Монета пришлась кстати – Марцию и впрямь следовало бы отослать к родне. В семнадцать лет девица должна быть замужем – и все тут. А золотой – это два красивых платья, две пары башмаков, зимняя накидка и много прочих вещей, необходимых невесте для полного счастья. Будут эти вещи – глядишь, и жених найдется.

* * *

Марция и Гай далеко от опушки не убежали – стояли тут же за березками и смотрели на луг.

– А я тебе говорю – что мы тут хорошего видим? Что, кроме навоза? – спрашивала, еще всхлипывая, Марция. – И всю жизнь будем в этом хлеву торчать, и помрем в этом хлеву, и в навозной куче нас закопают!

– Тихо ты, дура, – отвечал ей на это брат. – Нудишь и нудишь... нудишь и нудишь... и замуж тебя никто не возьмет...

– Так некому же!... А ты – дурак! И никто за тебя замуж не пойдет!

– Больно надо! А ты сметану ночью воруеть!

– Сам ты сметану воруеть!

Они отвлеклись от наблюдения и не заметили, что через луг проскакала на сером своем жеребце фея Моргана, а за ней – свита. Тропинка вывела всадников как раз туда, где стояли брат с сестрой.

Гай и Марция могли бы хоть пригнуться, но им было не до материнских наказов – они дрались. Сестра дала братцу пощечину, брат заехал ей в плечо кулаком. Фея придержала коня и строго приказала прекратить безобразие.

– А что он?!. А что она?!. – услышала в ответ фея.

– Вы со двора Юния Брута?

– Да, госпожа.

– Так это вас не хотят отпускать на службу в замок?

Гай еще только собирался сказать что-то умное, а Марция уже бросилась на колени прямо под конские копыта.

– Возьмите меня с собой, госпожа! – воскликнула она. – Я полы мыть буду, простыни стирать, я умею! Я и большую печку топить умею, и за скотом ходить, только заберите меня отсюда!

– Вот так-то лучше, – сказала фея. – Заберу, конечно. Что тебе тут делать? Громерта, возьмите девицу на круп своего коня.

Марция, поднявшись с колен, направилась было к придворной даме, но ей сказал: «Сюда, милочка!» рыжеволосый паж, и она с изумлением поняла, что паж – переодетая девушка, немногим ее старше.

– Так не пойдет, госпожа! – возразил Гай. – Мать не хочет, чтобы мы шли служить в замок!

– По уговору, замок покупает у деревни все, что дают хлев, птичник, поле и огород, а деревня отправляет парней и девушек на службу в замок, – отвечала фея. – Твоей матери это не нравится, но твой отец Юний Брут подписал уговор. Так что я забираю девицу, а ты передай матери, что через два года и твой черед настанет. Слышишь? И не сердь меня!

Гай попятился. О могуществе феи Морганы рассказывали всякое. И смотрела она так грозно, что впору под землю провалиться.

Марция меж тем взобралась на конский круп и крепко обняла фальшивого пажа.

– Скажи им всем, что я больше никогда не вернусь! – крикнула она и добавила из чистой вредности: – А ты дурак, дураком останешься и помрешь на навозной куче!

Гай кинулся стаскивать сестру с коня, но хлыст феи Морганы коснулся его плеча – и парень окаменел. Он лишился не только движения, но и голоса.

Несколько минут Гай мог лишь смотреть, как всадники уезжают по лесной опушке. Потом тело стало оживать.

Сестру увезли уже довольно далеко, когда он окончательно пришел в себя.

Конечно, можно было вернуться к матери, все ей рассказать – и получить знатный нагоняй. Если бы Марция при всех не назвала его дураком, он бы так и сделал. Но его оскорбили при знатных девицах – и он сильно разозлился.

Крестьяне – и вообще-то упрямый народ, а Гай был к тому же сыном Юния Брута, самого норовистого в деревне хозяина, и жену взявшего себе подстать. Поэтому парень без лишних рассуждений отправился в погоню. Всадники были уже далеко – но он их видел, и этого ему пока было довольно.

* * *

Марция редко выезжала из деревни. Пресловутый уговор был заключен еще до ее рождения, и потому она даже на больших ярмарках не побывала. В замок феи Морганы – и то ни разу не сходила, хотя замок стоял неподалеку, в двенадцати милях от дома. А что такое двенадцать миль для крестьянской девицы? Да она их и не заметит, особенно если будет на ходу, как принято у пастушек, плести поясок.

Поэтому Марция вертелась на конском крупе и наслаждалась новым миром, открывшимся перед ней так внезапно.

За полями и рекой был лес, дорога прямо приглашала следовать по ней и часть пути проехать лесом, но въезжать в лес фея Моргана не пожелала, и всадницы, свернув с пути, обогнули

его по опушке, разве что около полумили проехали молодой рощицей. Марция догадалась, что это либо Змеиный лес, либо лес Трех Великанов, либо, на худой конец, лес Ночных Свистунов. Вот родители – те знали, где какой, и когда странствующие рыцари забредали в деревню, всегда умели их направить в нужную сторону. А Марция знала только один большой лес неподалеку от дома, да и тот – безымянный. Ходить туда приходилось с опаской – в уговоре было сказано, что деревенские жители могут собирать грибы и ягоды только на опушке.

Наконец добрались до замка. Девица-паж Громерта протрубила в рожок, ей ответили с надвратной башни, опустился мост, и всадницы въехали в замковый двор.

Марция сползла с конского крупа и стояла, озираясь по сторонам. Выходит, здесь ей теперь предстояло жить, в каменных башнях с небольшими окошками... Но здесь все ходят в башмаках – это она заметила первым делом. Женщины, проходившие через двор с корзинами, и женщины, принимавшие коней, и женщины, развешивавшие по стенам какие-то разрисованные полотнища, – все были обуты! Опять же, и одежда у них была добротная, и выкрашена не травками и корнями, а городскими красками, потому такая яркая. Марции захотелось жить тут, с этими женщинами, красиво одеваться, знать все новости здешней жизни, особенно про женихов.

– Лота, отведи Марцию к Балиане, пусть выдаст ей рабочее платье да подгонит по фигуре, – распорядилась фея Моргана. – Она девица статная, вот только руки... тут нужно что-то придумать...

Действительно, широкая исцарапанная и загорелая ручища Марции мало была похожа на белоснежную и изысканную кисть феи.

– Пойдем, – сказала девица Лота. – Мы до вечера должны с тобой управиться.

– Я работы не боюсь, – отвечала Марция, – и переодеваться незачем. Вот эта юбка у меня рабочая, и эта рубаха тоже. Где тут что надо делать?

– До ужина ничего делать не придется, – успокоила Лота. – Я научу тебя ходить и кланяться. А Балиана приготовит платье.

– Кланяться-то зачем?

– В королевском замке на каждом шагу поклоны, а ты будешь в свите дежурной дамы, – объяснила Лота.

– Я – в свите дамы?!

Но этот восторг несколько минут спустя уступил место иному восторгу: Марция увидела свое рабочее платье. Оно было бирюзовое, с длинными и широкими рукавами, с накладным воротником, утыканным позолоченными бляшками и большими круглыми камнями, красными и зелеными, а главное – оно было до пола, не то что крестьянский праздничный наряд, из-под которого чуть ли не весь чулок видно. Выдали ей и мягкие кожаные башмаки с завязками.

– Рукава укорачивать не будем, – деловито сказала Балиана. – А то лапы у нее – как вареные раки. Ну-ка, пройдишь... ох, нет, кто же так ходит? Ты ступай ровненько, спинку выпрями...

Марция понятия не имела, что ходит неправильно и что можно ходить как-то иначе. Лота с Балианой гоняли ее немилосердно, показывая правильную поступь и тыкая Марцию кулачками то в поясницу, то в загривок, так что и сами взмокли от усилий. Наконец вроде стало получаться.

– Сядь, – велела Балиана и приладила к ее голове две длинные накладные косы невозможного цвета – почти белые, собственные же волосы Марции убрала под шапочку и еще накрыла сверху вуалью. – Ну, сойдет в полумраке, если не слишком приглядываться.

– Сейчас поедим и в дорогу, – сказала Лота. – Ты, главное, молчи и смотри в пол. Жди меня в трапезной, я скоро...

Она действительно обернулась быстро и пришла в таком же бирюзовом платье, как у Марции, и с такими же сомнительными косами. Более того – в трапезную явились и присели с

края длинного стола еще две особы, одетые точно так же, и в одной Марция признала девицу-пажа Громерту.

Ужин был прескверный – не миска каши с поджаренным салом, как привыкла Марция, а какие-то жалкие хлебцы, кусочки сыра, мелко порезанные травки и отвар шиповника.

– Этак я не наемся и работать не смогу, – предупредила крестьянская девица.

– Сможешь, – строго сказала ей Громерта. – А будешь много разговаривать – госпожа уста замкнет.

– Лучше бы сразу замкнуть, – посоветовала Лота. – Вставай, Марция...

Подошла дама в белом наряде, с удивительно белым лицом, каких на свете не бывает. Издали она показалась Марции дивной красавицей. А вблизи оказалось, что ее лицо словно вылеплено из белой глины. Выделялись только красные губы, которые, когда красавица заговорила, почти не двигались.

– Собирайтесь, девы, телега уже подана, – сказала эта странная особа и удалилась, неся свое белоснежное лицо с превеликой осторожностью – как бы от избыточного движения бровей или уст с него не полетели комки белой глины.

Четыре одинаково одетые девицы вышли из трапезной, а потом и из замка. Большая телега стояла уже за подъемным мостом. Дама в белом, госпожа Риона, забралась туда с помощью кучера. Марция пригляделась – и кучер тоже был переодетой женщиной.

– Помажь за ушами, да только не слишком много, – шепнула Лота, вжимая в ладонь Марции стеклянный пузырек.

– А я не оглохну?

– Нет, это для приятного запаха.

Телега тронулась с места, Марция, приноравливаясь к ее колыханиям, вынула притертую пробку, понюхала – и ей стало безумно жарко. Слезы хлынули ручьем, в носу засвербело, звонкий чих сотряс все ее тело, и другой, и третий.

– Этого еще не доставало! – воскликнула дама Риона. – Откуда только привозят таких несчастных дур?

Достав из-за пояса палочку в палец длиной и с шариком на конце, она забормотала и ударила этим шариком Марцию по носу. Чих, готовый вылететь наружу, застрял где-то внутри и принялся буянить. Слезы так и текли. Марция перепугалась до полусмерти, и в голове было одно: бежать, бежать отсюда!

Она соскочила с телеги, но Громерта бросилась следом и поймала ее.

– Пошла назад! Не будешь слушаться – отдадим дракону! – пригрозила она и для убедительности оскалилась и зашипела.

Марция уставилась ей в лицо, но лица уже не было – а была чешуйчатая морда, зеленая с черными пятнами, с красными ноздрями, с прижатыми острыми ушами, с длинными змееобразными усами – четыре справа, четыре слева. Марция ахнула и ноги ее подкосились...

* * *

Неподалеку от леса Гай потерял из виду фею Моргану со свитой. Некоторое время он шагал, не беспокоясь, потому что деваться им было некуда – дорога шла все прямо и прямо, без развилок и перекрестков. Наконец парень оказался на опушке.

Дорога вела в лес, и он преспокойно углубился в чащу, опять же, не испытывая никакого страха. Во-первых, днем хищники отсыпаются, во-вторых, на поясе широкий нож, в-третьих – если тут разбьезжают дамы на лошадях, значит, место совершенно безопасное.

Не прошел он и сотни шагов, как увидел стрелку, вырезанную на коре большой ольхи. Стрелка указывала на почти незаметную тропинку. Решив, что такая тропинка – не для конных, и непохоже, чтобы по ней только что прошли четыре лошади, Гай двинулся дальше.

Шагов он, конечно, не считал и не мог бы сказать, на каком расстоянии от стрелки дорога раздвоилась. На развилке стоял большой валун, обычный серый валун, какие порой вылезают прямо из глубы земной посреди пашни. Но этот был перемазан в красном. Гай присел на корточки и разобрал снизу несколько кривых букв. Прочие были смыты дождем.

Буквы сложились в слово «подвиг».

В отличие от сестры, Гай учился грамоте две зимы. Внятно написанное слово он мог прочитать без большого труда. А вот слово, в котором недоставало букв, особенно в начале, было для него непреодолимо и потому страшновато.

Гай отошел от камня и задумался. Следовало выбирать дорогу, и надпись определенно давала какие-то советы, но поди ее теперь разбери.

Тут послышался скрип колеса. Гай обрадовался – теперь хоть будет у кого спросить о замке феи Морганы. Но когда он увидел, кто сидит на краю тележки, правя крупным ослом, то спрашивать уже не пожелал, а наоборот – отступил и забрался в малинник.

Деревенский житель прост и боится вещей непонятных и некрасивых. Неизвестно, кто и для чего сотворил карликов, ростом человеку чуть выше пояса, неизвестно, кто их снабдил такими страшными рожами, а главное – для чего им рот от уха до уха. И это бы еще полбеда – а вот почему их держат при себе знатные господа, наряжая лучше, чем родных деток, совершенно непонятно.

Карлик остановил осла, сполз с тележки, снял ведро и поставил у камня. Макая туда тряпку, он смыл остатки букв, протер камень насухо другой тряпкой, взял горшок с краской и кисть, принялся списывать с пергаментного клочка слова. Камень был шершав и неровен, зеленые буквы ложились как попало, но карлика это мало беспокоило.

– «Сей подвиг уготован рыцарю, – шепотом прочитал Гай, – который разгадает загадку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.